
ИСТОРИОГРАФИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 930.1

А.В. Гурьянова*

ДИАЛОГИЗМ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ ПРИНЦИП ПОЗНАНИЯ ИСТОРИИ

В статье рассматривается диалогический подход в исследовании прошлого. Раскрывается специфика субъект-объектных отношений в исторической науке. Особое внимание уделяется анализу своеобразия исследовательских программ наук о культуре.

Ключевые слова: методология исторического исследования, конструктивизм, коммуникация.

Человек уникален тем, что способен не просто приспособливаться к среде, как это свойственно всему живому, но и создавать свой собственный универсум. Более того, он может не только «выйти» за пределы организованного им мира в открытый, «неупорядоченный» мир и определить свое отношение к нему, но и «войти» в другие культурные миры, в «чужую» духовную жизнь. Следовательно, он принципиально способен познать иные миры и культуры. Все это имеет огромное значение для создания и развития собственной культуры, т. к. «своя» культура выстраивается на пересечении двух возможностей: возможности *отделения* и возможности *взаимодействия*, возможности *отграничения* себя от другой культуры и возможности *открыть* себя ей.

Иными словами, мир «своего», «своя» культура обретают специфику и своеобразие только в процессе осознания чужой культуры, в общении с ней. Именно это, надо полагать, имел в виду М.М. Бахтин, когда писал, что «чужая культура только в глазах *другой* культуры раскрывает себя полнее и глубже. <...> Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы *диалог*, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур. <...> При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет свое единство и *открытую* целостность, но они взаимно обогащаются» [1, с. 240].

* © Гурьянова А.В., 2012

Гурьянова Анна Викторовна (annaguryanov@yandex.ru), кафедра философии и истории Самарского государственного архитектурно-строительного университета, 443001, Российская Федерация, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 194.

В этой формуле М.М. Бахтина сконцентрирована квинтэссенция диалогического подхода к исследованию истории, фиксирующая коренное отличие природы исторического интереса от природы естественнонаучного знания и познания. Главная особенность исторической науки, как и всех прочих дисциплин социального плана, заключается в том, что в них не наблюдается свойственного для естествознания противопоставления познающего субъекта познаваемому объекту, здесь субъект и объект познания качественно однородны. Как справедливо отмечал Р.Ю. Виппер, «ведь о жуках и грибах составляют науку посторонние им люди, а не сами объекты науки, тогда как в общественной науке изучаемый объект и изучающий субъект до известной степени совпадают, и она представляет собой именно то самое, что в определенное время и в определенной среде люди думают о людях и о своем собственном общечеловеческом прошлом» [2, с. 142].

И действительно, история не «социальная физика», о создании которой мечтали в свое время историки-позитивисты, это наука о живых людях и коллективах, в которые они организованы. Следовательно, историк, в отличие от естествоиспытателя, изучает не внешне противостоящий ему «объект», обладающий принципиально иной природой, нежели сам ученый, но *человека*, людей. Поэтому его отношение к предмету исследования коренным образом отличается от отношения физика или биолога, это отношение *диалогическое*. Изучая людей во времени, вступая в контакт с человеком далекой эпохи, с его психикой, умственным кругозором, с его интересами и страстями, историк не создает отношения субъекта к объекту, он вступает с ними в *диалог*, который оказывается невозможным вне наук о культуре.

В общем плане вопрос о диалогическом характере гуманитарного опыта уже неоднократно ставился в научно-исследовательской литературе. К примеру, М.М. Бахтин отмечал, что «точные науки — это монологическая форма знания: интеллект созерцает *вещь* и высказывается о ней. Здесь только один субъект — познающий (созерцающий) и говорящий (высказывающийся). Ему противостоит только *безгласная вещь*. Любой объект знания (в том числе и человек) может быть воспринят и познан как вещь. Но субъект как таковой не может восприниматься и изучаться как вещь, ибо как субъект он не может, оставаясь субъектом, стать безгласным, следовательно, познание его может быть только *диалогическим*» [3, с. 383].

Мысль не новая. Идея о том, что предмет науки может быть познан лишь в его отношении к познающему субъекту, лежит в основе гносеологии И. Канта. В начале XX в. она была применена теоретиками Баденской школы неокантианства к сфере социально-исторической жизни, что вылилось в противопоставление «наук о культуре» «наукам о природе»: последние изучают объекты, в то время как первые обращены к субъекту — такому же, каков и сам исследователь. В дальнейшем подобных взглядов придерживались теоретики французской исторической Школы «Анналов», практиковавшие познание истории как «науки о человеке». В их понимании историк — человек одной эпохи со своими критериями и образом мира, данными ему его культурой, с собственными интересами и ценностями, вступает в *диалог* с представителями иной цивилизации, обладавшими принципиально иным человеческим опытом.

Тем самым был принципиально изменен характер взаимодействия историка с прошлым, переосмыслена сама специфика субъект-объектных отношений в исторической науке: *приоритет объекта* (исторического источника, документа, текста) сменился в ней *приоритетом субъекта* (познающего ученого-историка) [4, с. 58]. И если предшественники «Анналов» уповали в основном на «красноречие» источника, «анналисты» подчеркивали главенствующую роль в историческом познании самого исследователя. Недаром Л. Февр так настойчиво требовал осознать «важность» его личного вклада в историческую науку [5, с. 28]. *Творческая активность историка* — таково кредо «Но-

вой исторической науки». С ним напрямую связаны и определение проблемы исследования, и «конструкция» исторического источника, и даже «создание» самого предмета («объекта») истории.

Признание в высшей степени *активной гносеологической позиции исследователя*, играющего исключительную роль в процессе воссоздания прошлого, является отличительной особенностью исторической эпистемологии «Анналов». Историк здесь не выключен из течения исторического времени, он настроен на *диалог культур*, и именно в этом смысле его труд приобретает общественную значимость для современников. Но как может быть реально осуществлен диалог культур и цивилизаций, диалог современного историка с представителями давно ушедших эпох? Ведь в истории, в отличие от многих других наук, ученый лишен возможности непосредственного контакта с предметом исследования. Он в состоянии обозреть не прошлое как таковое, а лишь те свидетельства о нем, которые сохранило время.

Иначе говоря, наше знание прошлого проистекает из оставленных им «следов», т. е., главным образом, из *источников*. Будучи как бы промежуточным звеном между историком и реальностью, в суть которой он пытается проникнуть, исторические источники выступают в качестве отправного пункта и необходимой предпосылки исторического познания. Это коренным образом отличает познавательную ситуацию в истории от ее аналогов во всех прочих областях научного знания. «Только в истории свидетельства других <...> играют главную роль. Историк подобен географу, никогда не оставлявшему родного города, но знающему тем не менее чужие страны по рассказам туземцев и путешественников» [6, с. 44–45]. Наличие источников для него является непременным условием его научной деятельности.

Но даже если историк обладает достаточным количеством исторических документов, это вовсе не означает, что ему сразу же автоматически «откроются» заложенный в них смысл и значение. Дело в том, что расшифровать дошедшие до нашего времени послания прошлого в высшей степени нелегко, ибо все они являются продуктами *иной* исторической эпохи, принципиально отличной от нашей по своему мыслительному складу. Ситуация осложняется также и тем, что памятники прошлого вообще не «запрограммированы» на выдачу строго однозначной информации. Будучи результатами переработки образов прошлого в умах людей прошлого, они открываются исследователю той своей стороной, которую последний сумеет выявить и вербализовать.

Поэтому особую значимость в сфере исторических исследований приобретает *«вопросник»* — перечень вопросов, которые историк обращает к прошлому и на которые он желает получить от этого прошлого ответ. Именно с обдумывания и формулировки вопросника всякий раз начинается познавательный процесс, развертывающийся на «территории исторического». «Без *своих* вопросов нельзя творчески понять ничего другого и чужого», — пишет, иллюстрируя данную гносеологическую ситуацию, М.М. Бахтин [3, с. 354]. «Составив достаточно разработанный, богатый и постоянно обогащающийся в ходе исследования вопросник, историки в состоянии раскрыть многие тайны сознания людей других культур», — утверждает А.Я. Гуревич [7, с. 59]. Важность наличия такого рода вопросника подчеркивает и М. Блок. По его мнению, составить вопросник — это «...поистине первая неотложная задача всякого правильно ведущегося исторического изыскания» [8, с. 38].

Данное требование французский историк выдвигает в противовес традиционным позитивистским установкам, согласно которым процесс работы историка предстает «до странности наивным»: сначала историк собирает источники, знакомится с ними, стремится оценить их подлинность и правдивость, затем он «пускает их в дело». «Но беда в том, — пишет М. Блок, — что ни один историк так не действует. Даже когда ненароком воображает, что действует именно так. Ибо тексты или археологические

находки, внешне даже самые ясные и податливые, говорят лишь тогда, когда умеешь их спрашивать» [8, с. 38]. Случается, конечно, что вопросник остается чисто инстинктивным. Но все равно он есть. Ученый может и не осознавать этого, а между тем вопросы диктуются ему его собственным прошлым опытом, традициями, здравым смыслом или даже какими-то элементарными жизненными предассудками. А потому нет ничего более бесплодного для историка, чем пассивно ждать, когда источник сам откроет нужную ему информацию.

При таком подходе, указывает М. Блок, многие вполне добросовестно выполненные исторические исследования потерпели фиаско или дали ничтожно малые результаты. Этим еще раз подтверждается тот факт, что для успешной научной деятельности историка настоятельно требуется вопросник, предопределяющий направление его дальнейших изысканий. Создание вопросника равносильно выработке «маршрута», без которого ученому грозит «вечно блуждать наугад» [8, с. 38–39]. Разумеется, намеченный при отправлении маршрут почти никогда не выдерживается с абсолютной точностью. Перечень вопросов, составленный в начале работы, постоянно видоизменяется в зависимости от поступления новой информации. Принимая во внимание данное обстоятельство, М. Блок характеризует вопросник как «чрезвычайно гибкий, способный по пути обрастать множеством новых пунктов, открытый для всех неожиданностей — и все же такой, чтобы он мог сразу же служить магнитом для опилок документа» [8, с. 39].

Итак, для того чтобы заговорили источники — творения людей изучаемой эпохи, им необходимо задавать вопросы. Причем вопросы эти всегда оказываются так или иначе связанными с реалиями современной культурной и идеологической жизни. И это понятно, ибо они продиктованы историка собственным временем, его актуальной проблематикой. Никаких других вопросов, помимо релевантных его собственной культуре, он задать не в состоянии. Он способен вопрошать прошлое (т. е. исторические памятники, оставшиеся от этого прошлого и превращаемые затем в источник знаний о нем) только о том, что интересует и волнует его как человека, принадлежащего современности. Так что именно *современность* в конечном счете ставит перед исследователем актуальные проблемы изучения. Следовательно, историческое познание начинается не с прошлого, а с настоящего.

История связана с современностью. Однако эта связь вовсе не является препоной для объективного изучения прошлого, напротив, она выступает его необходимым условием и предпосылкой, ибо историческое познание есть не что иное, как пытлиное, настойчивое и неустанное вопрошание современностью прошлого, т. е. постановка вопросов, волнующих нас, ныне живущих людей. При этом речь, разумеется, не идет о том, чтобы навязывать прошлому актуальные для современного общества проблемы. Перенесение «жгучей современности в остывшее лоно былых веков» — это, конечно же, «реакционный метод» [5, с. 16].

В действительности историк-профессионал формулирует проблемы, подсказанные ему современностью, не в той прямой форме, в какой они стоят перед ним здесь и сейчас. Диалог современности с прошлым предполагает известную *общность проблем*, которые волнуют нас и которые не были чужды представителям минувших эпох, хотя, естественно, рисовались им несколько иначе, чем нам сегодня. Вместе с тем он требует осознания «вненаходимости» исследователя во времени, пространстве, культуре. Именно *вненаходимость* выступает «могучим рычагом понимания» в области культуры и истории» [3, с. 343]. Однако сама по себе *вненаходимость* еще не есть механизм, автоматически обеспечивающий понимание иной культуры. Диалог культур должен выстраиваться на принципе *равноправия сторон*. И в этом смысле в историческом исследовании важно уловить оба голоса — и того, кто вопрошает, и того, кто

отвечает. И только такое «методологическое различение каждого из голосов в отдельности» способно сделать диалог культур поистине содержательным и информативным [4, с. 141].

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Смелее пользоваться возможностями // Новый мир. 1970. № 11. С. 237–240.
2. Виппер Р.Ю. Две интеллигенции и другие очерки: сборник статей и публичных выступлений 1900-1912. М.: И.Н. Кушнерев, 1912. 322 с.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
4. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М.: Изд-во РГТУ, 1998. 702 с.
5. Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. 700 с.
6. Кареев Н.И. Историка. Теория исторического знания. Пг.: М.М. Стасюлевич, 1916. 281 с.
7. Гуревич А.Я. Историческая наука и историческая антропология // Вопросы истории. 1988. № 1. С. 56–70.
8. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М.: Наука, 1986. 256 с.

*A.V. Guryanova**

DIALOGISM AS A BASIC PRINCIPLE OF COGNITION OF HISTORY

The article considers a dialogic approach in the study of the past. The specifics of subject-object relations in historical science are disclosed. Special attention is paid to the analysis of uniqueness of research programs of sciences about culture.

Key words: methodology of historical research, constructivism, communication.

* *Guryanova Anna Viktorovna* (annaguryanov@yandex.ru), the Dept. of Philosophy and History, Samara State University of Architecture and Civil Engineering, Samara, 443001, Russian Federation.